

В Великой Чжоу производство бумаги четко делилось на северное и южное. На севере, где главенствовала область Нинси, сырьем служили преимущественно китайская крапива рами и пшеничная солома. Южный же центр находился в области Хуайян, поставлявшей на рынки тонкую тутовую бумагу.

Собранное в области Линнань сырье сначала везли на север, в Хуайян, где ремесленные мастерские превращали его в бумажные листы. Оттуда готовый товар караванами возвращался на юг, расходясь по префектурам и уездам.

В смутные годы на закате прежней династии книгопечатни и бумажные дворы начали перебираться в другие края, прочно пуская там корни. В префектуре Нанькан когда-то тоже работали собственные бумажные мастерские, но в разгар беспорядков их разорили мятежники. С тех пор они стояли заброшенными, а местным лавкам приходилось закупать писчие листы в соседней префектуре Цинчжоу.

Уезду Шаоюань до зарезу требовалось собственное производство. Наладив выпуск бумаги на месте, они не только избавились бы от нужды в закупках, но и смогли бы продавать излишки соседям. Огромный рынок всей префектуры Нанькан лежал перед ними незанятым.

Больше Цзян Умянь эту тему не поднимал. Внеся задаток за крупный тираж, он покинул лавку, но велел советнику Чжану взять надежных людей и лично проверить резные доски для печати — в таком деле ошибки и опечатки были недопустимы.

Замысел новой мастерской занял свое место в планах Цзян Умяня, однако сейчас на первом месте стояла государственная школа.

Едва вернувшись в управу, он услышал доносившийся из Налоговой палаты зычный голос помощника судьи Чжоу:

— Господа, в этом году занятия проходят лишь в уездном центре в виде пробы. Набор закрыт! Приходите следующей весной, да пораньше.

— Богач Чэнь, места в школе действительно закончились! Как только закончим с первыми учениками, учителя отправятся по вашим деревням — господин уездный судья уже всё распланировал.

— В следующем году! Обязательно в следующем году!

Цзян Умянь лишь покачал головой.

«Бог знает, сколько учеников удастся обучить в следующее затишье между полевыми работами. Если народу наберется слишком много, придется разворачивать кампанию по ликвидации безграмотности прямо на местах, отправляя грамотеев в деревни»

Голоса за стеной постепенно затихли. Цзян Умянь прошел в боковой зал, где за столом сидел Се Яньхан, внимательно изучавший разложенные свитки с планами.

Заметив вошедшего, Се Яньхан указал кончиком кисти на сделанную им пометку:

— По пути в уезд я опробовал твою новую дорогу. Полотно ровное, твердое как камень — для мощения лучшего не придумаешь. Но ты использовал этот твой «цемент» еще и для новой городской стены. Каков результат?

Цзян Умянь скользнул взглядом по бумагам. Поначалу он задумывал снабжать цементом соседние уезды, но из-за разногласий в цене договориться так и не удалось. В итоге новинка пошла в дело лишь в Шаоюане.

Впрочем, как только завершатся весенние полевые работы, собственный торговый караван Шаоюаня отправится по соседним краям. В их товарные списки можно будет смело внести цемент, красный кирпич и прочие уездные диковины.

Уезд Шаоюань сам по себе был лучшей рекламой, так что за сбыт можно было не беспокоиться.

— Чистый цемент для этого не годится — со временем пойдет трещинами и осыплется, — пояснил Цзян Умянь. Он намеренно назвал скромные сроки: использование цементно-песчаного раствора еще проходило испытания, и все выводы строились лишь на предположениях. — Стены уезда мы возводили, смешивая его с песком в строгой пропорции, после чего тщательно затирали швы и штукатурили поверхность. Такой раствор дает отличное сцепление, а сам цемент обеспечивает прочность. Думаю, года три-четыре стена простоит без особых хлопот.

— Три-четыре года?!

Се Яньхан не на шутку изумился:

— Без ежегодного созыва людей на изнурительную повинность, если обходиться лишь мелкими работами, стена простоит три-четыре года? Поразительно.

— На юге воздух слишком сырой, — с долей досады нахмурился Цзян Умянь. — Со временем влага все равно просочится внутрь, и раствор начнет трескаться. Три-четыре года — это предел. По истечении этого срока защитное покрытие стен придется обновлять.

Се Яньхан облегченно рассмеялся:

— Прежде людей ежегодно сгоняли на повинность — латать городские стены, копать каналы, крепить плотины и заставы. Если удастся облегчить это ярмо, для простого люда Великой

Чжоу это станет величайшим благом!

Немного помолчав, он задумчиво добавил:

— С официальным докладом в столицу пока повременим.

Его юный ученик только что представил плуг для заливных полей, да и дело с «Лунной изморозью» наделало немало шума. Сейчас Цзяну не стоило лишний раз выходить на передний план.

То, что когти клана Хань пока не дотягивались до Линнани, вовсе не означало, что они не сделают этого завтра. Следовало затаиться, накопить силы в тени и в нужный момент нанести противнику сокрушительный удар.

Что до частной торговли, Се Яньхан заключил:

— Пока ограничимся продажей красного кирпича. Этого вполне достаточно.

Цзян Умянь кивнул. Действительно, даже на одном красном кирпиче можно было выручить неплохую монету.

Затем он подробно разложил перед наставником расходы на укладку дорожного полотна и наем рабочих, особо отметив слабые стороны цемента — на случай, если Император вздумает учинить подробный расспрос.

— При постоянных нагрузках это покрытие трескается под колесами тяжелых телег, а со временем и вовсе истирается в пыль. К тому же оно нещадно калечит копыта лошадей, так что для быстрого продвижения конницы такие тракты непригодны.

— Вот оно как, — протянул Се Яньхан. — Стало быть, цемент уступает грунту в долговечности при больших нагрузках, да и стоит дороже. Так вот зачем ты ввел эту пошлину за проезд?

Действительно, у городских ворот со всех телег, арб и конных экипажей взимали плату по строгому тарифу, не трогая лишь пеших путников. Оказывается, за этим новшеством стоял сухой расчет.

Впрочем, эти изъятия ничуть не умаляли очевидных достоинств нового материала. С практической точки зрения выгода намного превосходила все неудобства.

Будь все казенные тракты вымощены цементом, скорость передвижения гонцов возросла бы в разы. Вести из Линнани долетали бы до столицы за считанные дни, и чиновники перестали бы смотреть на назначение в эти края как на замаскированную ссылку.

— Пока что сбор за проезд мы взимаем только у городских ворот, за пределами уезда проезд бесплатный, — добавил Цзян Умянь. — Дороги вне города содержатся за счет казны уезда. Мы относим эти расходы к статье благоустройства края.

Се Яньхан мысленно примерил к делу слова «благоустройство края» и нашел их на редкость точными. И все же расходы уезда казались ему неподъемными.

Пока Цзян Умянь отлучался к директору уездного училища, Се Яньхан успел осмотреть управу сверху донизу. Большинство построек дышали на ладан, и лишь ровные серые дороги посреди дворов казались островками достатка.

Если уж сама управа ютилась в таких развалинах, откуда уезд выкраивал средства на дорожные работы?

Разумеется, в чиновничьей среде бытовало негласное правило: чем невзрачнее выглядит управа, тем чище на руку уездный судья. Но здешнее запустение говорило вовсе не о честности прежнего хозяина.

Напротив, прежний судья не брезговал ни поборами, ни взятками, а казенное серебро текло прямым в его бездонные карманы. Настоящая прожорливая тля на теле уезда!

И пусть Цзян Умянь сумел отобрать часть награбленного зерна и серебра, все эти крохи он без остатка пустил на помощь голодающим крестьянам, не удержав для нужд управы ни гроша.

Нынешняя казна Шаоюаня сводила концы с концами лишь благодаря открытой рудной жиле. Прибыль от прочих мастерских была столь ничтожной, что на нее не удалось бы вымостить и пары ли дороги.

Се Яньхан лишь сокрушенно покачал головой. Уезду и без того отчаянно не хватало рабочих рук для новой пристани, но даже если бы люди нашлись, казенных денег не хватило бы, чтобы довести стройку до конца. Приходилось двигаться вперед мелкими шагами.

Ученик и наставник сошлись во мнениях. Крупные работы временно отложили, зато в самом уездном центре всю закипела работа в пробных классах по ликвидации безграмотности.

В день, когда плотники закончили главное здание школы, Цзян Умянь пригласил директора училища Сюй Чэна осмотреть новостройку.

— Снаружи все готово, — проговорил судья, — но внутри пока пусто: столы, скамьи и книжные шкафы мы еще не закупили.

Большинство мастерских, прежде работавших с училищем, за годы неурядиц либо закрылись, либо перешли в руки неумелых наследников, чья топорная работа не годилась вовсе.

Приходилось искать толковых ремесленников на стороне.

Сюй Чэн служил уездным директором училища не один год, знал толк в обустройстве учебных классов и досконально понимал нужды учеников. Поручи закупку мебели ему — и всё необходимое появилось бы в классах в кратчайшие сроки.

Директор Сюй лишь робко спросил:

— А как обстоит дело со средствами на обустройство?..

Выбрать столы да шкафы он сумеет без труда, но кто станет оплачивать счета?

— Платит управа, — ответил Цзян Умянь и, прежде чем директор успел обрадоваться, строго отрезал: — Но казна у нас не бездонная. Из намеченной сметы не выбиваться ни на медный грош.

Держаться в рамках сметы — дело нехитрое, главное, что платить за всё не придется из собственного кармана.

Пропустив строгое предупреждение мимо ушей, воодушевленный Сюй Чэн живо составил перечень необходимых закупок и отправил его на утверждение. Не прошло и полумесяца, как школа наполнилась запахом свежего дерева и была готова принять учеников.

По задумке Цзян Умяня школу разделили на два отделения. Одно по старинке готовило одаренных юношей к сдаче государственных экзаменов ради чиновничьей службы, другое же давало базовое образование простому люду.

Места на начальное обучение разлетелись мгновенно. Вести эти занятия поручили двум недавно нанятым учителям.

Цзян Умянь заранее наказал наставникам: первый месяц учить всех одинаково, но пристально следить за успехами. Если у кого проявится талант к «Четверокнижию» и «Пятикнижию», управа возьмет такого ученика на содержание и переведет в класс для будущих чиновников.

Остальные продолжали постигать азы чтения и счета. Окончив учебу, они должны были разъехаться по глухим деревням уезда, чтобы нести грамоту в самые низы.

Окинув взглядом разношерстную толпу новоиспеченных учеников, директор Сюй рассадил их, разделив просторным проходом: девиц — по левую руку, юношей — по правую.

На юге строгие правила деления полов никогда не соблюдались с излишней ревностью. Да и во всей Великой Чжоу к этому относились без ханжества: разоренной стране требовались

любые рабочие руки, и держать женщин взаперти было непозволительной роскошью.

Как только последний ученик устроился на скамье, школа уезда наконец зажила полной жизнью.

Разобравшись со школой, Цзян Умянь наконец выкроил время для бумажного вопроса.

— Советник Линь, как дела в лесных селениях? Каковы их настроения? — спросил Цзян Умянь.

Когда жители укреплений Пинчао и Цзиньмяо прислали людей обучаться приготовлению новых удобрений, за обучением приглядывали не только стражники. По наводке судьи там вертелся и советник Линь, якобы случайно проходивший мимо.

Пользуясь случаем, он расспрашивал горцев о том, как у них принято сдабривать землю.

— В лесных селениях всё как у людей, удобряют по старинке, — доложил советник Линь. — Жмых от сладкого тростника чжэ тоже идет в дело. Сам тростник они либо везут сбывать на каменный мёд, либо выменивают у горных племен на редкие целебные травы. Связи у них прочные. С чужими купцами они тоже торгуют охотно: берут в основном серебром, изредка соглашаются на прямой обмен товарами.

Коль скоро лесные жители не чурались выгоды, открыть на их землях бумажную мастерскую не должно было составить большого труда.

Единственной загвоздкой оставался сам способ: как именно приручить волокна южной шелковицы и превратить их в писчие листы?

Цзян Умянь по привычке подумал было кликнуть даоса Цзинь Бухуаня, но тут же мысленно покачал головой. Мало того, что тот до сих пор бился над обжигом фарфора, так еще и бумага — дело совсем иного рода.

«Стоит переложить заботы на чужие плечи, — усмехнулся про себя судья, — как сам незаметно начинаешь лениться»

Пожурился за минутную слабость, уездный судья велел разузнать, не выкупил ли кто заброшенную бумажную мастерскую на окраине. Если хозяев не нашлось, следовало арендовать ее как минимум на полгода.

Советник Линь лишь молча воззрился на него.

«Помилуйте, господин уездный судья, — мысленно простонал Линь, — да вы хоть в казенные книги заглядывали? У нас в сундуках ветер гуляет!»

— Лавка по продаже плугов для заливных полей уже дает чистую прибыль, — успокоил его Цзян Умянь. — Так что плати из моих личных средств.

От этой торговли ему капала законная доля.

Советник Линь лишь сокрушенно вздохнул. Деньги действительно развязывали руки: их господин уездный судья теперь мог, не моргнув глазом, забрать в наем целую мастерскую на полгода вперед!

Само бумажное ремесло не отличалось излишней сложностью, за века мастера довели его почти до совершенства. Цзян Умяню не требовалось менять основы — он лишь решил улучшить завершающие шаги отлива и сушки листов.

В Великой Чжоу до сих пор пользовались старым методом «отливки», когда бумажную массу выливали прямо в формы. Писчие листы выходили грубыми, неровными, а само производство требовало слишком много сил и обходилось недешево.

Хотя многие пытались улучшить этот способ, чтобы снизить цену, писать на такой шероховатой бумаге было сомнительным удовольствием — кисть то и дело цеплялась за волокна.

Цзян Умянь решил применить метод «черпания». Весь процесс делился на четыре простых шага: подготовка сырья, измельчение волокон до состояния кашицы, само черпание и, наконец, отжим лишней влаги с последующей сушкой.

Первые два шага ничем не отличались от привычного способа, вся хитрость крылась в последующей обработке.

На этапе черпания мастер погружал сетчатую раму в чан с разведенной массой, покачивая ее из стороны в сторону, чтобы волокна легли тонким, ровным слоем. Чтобы листы выходили прочными, в чан добавляли сок из стеблей дикого винограда или корней алтея — этот клейкий настой помогал волокнам переплетаться ровнее, делая бумагу удивительно гладкой и плотной.

Тщательно размешав раствор, ремесленник аккуратно поддевал бумажную массу рамой, следя, чтобы она осела на сетке тончайшим ровным слоем.

В этом и заключалась суть метода. Бумага получалась чистой, без бугров и древесного сора, а кисть скользила по ней легко, не оставляя клякс.

Зная все тонкости дела, Цзян Умянь мог управиться куда быстрее, чем за полгода. Долгий срок аренды он взял лишь для подстраховки.

В уезде Шаоюань то и дело принимались лить дожди, а сушка свежих листов требовала жаркого солнца. Стоило рабочим проглядеть тучу — и вся партия сырой бумаги под ливнем

превратилась бы в бесполезную кашу.

Как бы усердно они ни следили за небом, стихия несколько раз брала свое: то порыв ветра переворачивал сушильные рамы, то внезапный ливень заливал бумажную массу. Приходилось прятать листы под крышей, где они томились в сырости по несколько дней, и лишь затем досушивать их на солнце. Первые листы вышли далеко не безупречными.

Впрочем, Цзян Умянь не унывал. Это были первые листы, сработанные его собственными руками, и он просто обязан был преподнести эту пробу своему наставнику.

Се Яньхан, разглядывая стопку подаренной учеником бумаги, лишь недоуменно приподнял брови.

— Эту бумагу словно из реки выловили.

<http://bllate.org/book/19045/2005021>